This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

891.78
G69Khn
A 470477

Die Beherrscher des Lebens
Interview von Maxim Gorki.

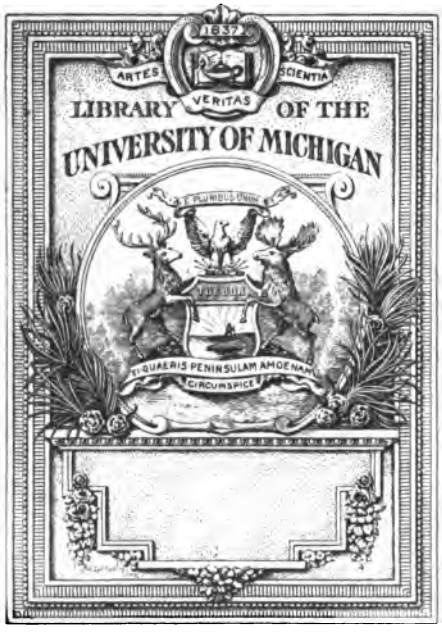
Preis 50 Pf.

Максимъ Горькій

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Интервью

STUTTGART 1906
VERLAG VON
J. H. W. DIETZ NACHF.


1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Gor'kiĭ, Maksim

891.78
G69 khn

Die Beherrscher des Lebens
Interview von Maxim Gorki.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

Хозяева жизни

ИНТЕРВЬЮ

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ —
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

DRUCK VON ROSENTHAL & CO., BERLIN SO. 16,
Runge -Strasse 20.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ.

— Пойдемъ со мной къ источникамъ истины! — смѣясь, сказалъ мнѣ Дьяволъ и привелъ меня на кладбище.

И когда мы медленно кружились съ нимъ по узкимъ дорожкамъ среди старыхъ камней и чугунныхъ плитъ надъ могилами, онъ говорилъ утомленнымъ голосомъ стараго профессора, которому надоѣла безплодная проповѣдь его мудрости.

— Подъ ногами твоими, — говорилъ онъ мнѣ, — лежатъ творцы законовъ, которые руководятъ тобой, ты попираешь подошвой сапога прахъ плотниковъ и кузнецовъ, которые построили клѣтку для звѣря внутри тебя.

Онъ смѣялся при этомъ острымъ смѣхомъ презрѣнія къ людямъ, обливая траву могилъ и плѣсень памятниковъ зеленоватымъ блескомъ холоднаго взгляда тоскливыхъ глазъ. Жирная земля мертвыхъ приставала къ ногамъ моимъ тяжелыми комьями и было трудно идти по тропинкамъ, среди памятниковъ надъ могилами житейской мудрости.

— Что-же ты, человѣкъ, не поклонишься благодарно праху тѣхъ, которые создали душу твою? — спрашивалъ Дьяволъ голосомъ, подобнымъ сырому дуновенью вѣтра осени и голосъ его вызывалъ дрожь въ

тѣлѣ моемъ и въ сердцѣ моемъ, полномъ тоскливаго возбужденія. Тихо качались печальныя вѣтви деревьевъ надъ старыми могилами людей, прикасаясь, холодныя и влажныя, къ моему лицу.

— Воздай должное фальшиво-монетчикамъ! Это они наплодили тучи маленькихъ, сѣрыхъ мыслей — мелкую монету твоего ума, они создали привычки твои, предразсудки и все, чѣмъ ты живешь. Благодари ихъ — у тебя огромное наслѣдство послѣ мертвецовъ!

Желтые листья медленно падали на голову мою и опускались подъ ноги. Земля кладбища жадно чмокала, поглощая свѣжую пищу — мертвые листья осеннихъ дней.

— Вотъ здѣсь лежитъ портной, одѣвавшій души людей въ тяжелыя, сѣрыя ризы предубѣжденій — хочешь посмотрѣть на него?

Я молча наклонилъ голову — Дьяволъ ударилъ ногой въ старую, изъѣденную ржавчиной плиту надъ одной изъ могилъ, ударилъ и сказалъ:

— Эй, книжникъ! Вставай . . .

Плита поднялась и, вздыхая густымъ вздохомъ потревоженной грязи, открылась неглубокая могила, точно сгнившее портмоне. Въ сыромъ мракѣ ея раздался брюзгливый голосъ:

— Кто-же будитъ мертвецовъ послѣ двѣнадцати?

— Видишь! — усмѣхаясь спросилъ Дьяволъ, — творцы законовъ жизни вѣрны себѣ даже когда они сгнили.

— А, это вы, Хозяинъ! — сказалъ скелетъ, садясь на край могилы и онъ независимо кивнулъ Дьяволу пустымъ черепомъ.

— Да, это я! — отвѣтилъ Дьяволъ. — Вотъ я привелъ къ тебѣ одного изъ друзей моихъ . . . Онъ поглупѣлъ среди людей, которыхъ ты научилъ мудрости и теперь пришелъ къ первоисточнику ея, чтобы вылѣчиться отъ заразы . . .

Я смотрѣлъ на мудреца съ должнымъ почтеніемъ. На костяхъ его черепа уже не было мяса, но выраженіе самодовольства еще не успѣло сгнить на его лицѣ. Каждая кость тускло свѣтилась сознаніемъ своей принадлежности къ системѣ костей исключительно — совершенной, единственной въ своемъ родѣ . . .

— Что ты сдѣлалъ на землѣ, разскажи намъ? — предложилъ Дьяволъ.

Мертвецъ внушительно и гордо оправилъ костями рукъ темныя лохмотья савана и мяса, нищенски висѣвшія на его ребрахъ. Потомъ онъ гордо поднялъ кости правой руки на уровень плеча и, указывая голымъ суставомъ пальца во тьму кладбища, заговорилъ безстрастно и ровно:

— Я написалъ десять большихъ книгъ, которыя внушили людямъ великую идею преимущества бѣлой расы надъ цвѣтной . . .

— Въ переводѣ на языкъ правды, — сказалъ Дьяволъ, — это звучитъ такъ: я, безплодная старая дѣва, всю жизнь вязала тупой иглой моего ума изъ ветхихъ шерстинокъ поношенныхъ идей дурацкіе колпаки для

тѣхъ, кто любитъ держать свой черепъ въ покоѣ и теплѣ . . .

— Вы не боитесь обидѣть его? — тихонько спросилъ я Дьявола.

— О! — воскликнулъ онъ. — Мудрецы и при жизни плохо слышатъ правду!

— Только бѣлая раса, — продолжалъ мудрецъ, — могла создать такую сложную цивилизацію и выработать столь строгіе принципы нравственности, этимъ она обязана цвѣту своей кожи, химическому составу крови, что я и доказалъ . . .

— Онъ это доказалъ! — повторилъ Дьяволъ, утвердительно кивая головой. — Нѣтъ варвара, болѣе убѣжденнаго въ своемъ правѣ быть жестокимъ, чѣмъ европеецъ . . .

— Христіанство и гуманизмъ созданы бѣлыми, — продолжалъ мертвецъ.

— Расой ангеловъ, которой должна принадлежать вся земля, — перебилъ его Дьяволъ. — Вотъ почему они такъ усердно окрашиваютъ ее въ свой любимый цвѣтъ — красный цвѣтъ крови . . .

— Они создали богатѣйшую литературу, изумительную технику, — считалъ мертвецъ, двигая костями пальцевъ . . .

— Три десятка хорошихъ книгъ и безчисленное количество орудій, для истребленія людей . . . — пояснилъ Дьяволъ смѣясь.

— Гдѣ жизнь раздроблена болѣе, чѣмъ среди этой расы и гдѣ человѣкъ низведенъ такъ низко, какъ среди бѣлыхъ?

— Быть можетъ, Дьяволъ не всегда правъ? — спросилъ я.

— Искусство европейцевъ достигло неизмѣримой высоты, — бормоталъ скелетъ сухо и скучно.

— Быть можетъ Дьяволъ хотѣлъ-бы ошибиться! — воскликнулъ мой спутникъ. — Вѣдь это скучно — всегда быть правымъ. Но люди живутъ только для того, чтобы питать презрѣніе мое . . . Посѣвы зеренъ пошлости и лжи даютъ самый богатый урожай на землѣ. Вотъ онъ, сѣятель, передъ вами. Какъ всѣ они — онъ не родилъ что-либо новое, онъ только воскрешалъ трупы старыхъ предразсудковъ, одѣвая ихъ въ одежды новыхъ словъ . . . Что сдѣлано на землѣ? Выстроены дворцы для немногихъ, церкви и фабрики для множества. Въ церквахъ убиваютъ души, на фабрикахъ — тѣла, это для того, чтобы дворцы стояли незыблемо . . . Посылаютъ людей глубоко въ землю за углемъ и золотомъ — и оплачиваютъ позорный трудъ кускомъ хлѣба, съ приправой свинца и желѣза.

— Вы — соціалистъ? — спросилъ я Дьявола.

— Я хочу гармоніи! — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ противно, когда человѣка, существо по природѣ своей цѣльное, дробятъ на ничтожные куски, дѣлаютъ изъ него орудіе для жадной руки другого. Я не хочу раба, рабство противно духу моему . . . И за это меня сбросили съ неба. Гдѣ есть авторитеты, тамъ неизбѣжно духовное рабство, тамъ всегда будетъ пышно цвѣсти плѣсень лжи . . . Пусть земля — вся живетъ! Пусть она вся горитъ весь день, хотя бы къ ночи только пепелъ остался отъ нея. Необходимо, чтобы однажды

всѣ люди влюбились . . . Любовь, какъ чудесный сонъ, снится только одинъ разъ, но въ этомъ однажды — весь смыслъ бытія . . .

Скелетъ стоялъ, прислонясь къ черному камню и вѣтеръ тихо нылъ въ пустой клѣткѣ его реберъ.

— Ему, должно быть, холодно и неудобно! — сказалъ я Дьяволу.

— Мнѣ пріятно посмотрѣть на ученаго, который освободился отъ всего лишняго. Его скелетъ — скелетъ его идеи . . . Я вижу, какъ она была оригинальна . . . Рядомъ съ нимъ лежатъ остатки другого сѣятеля истины. Разбудимъ и его. При жизни всѣ они любятъ покой и трудятся ради созданія нормъ для мыслей, для чувства, для жизни — искажаютъ новорожденныя идеи и дѣлаютъ уютные гробики для нихъ. Но — умирая, они хотятъ, чтобы о нихъ не забывали . . . Компрачикосъ — вставайте! Вотъ я привелъ вамъ человѣка, которому нуженъ гробъ для его мысли.

И снова предо мной явился изъ земли пустой и голый черепъ, беззубый, желтый, но, всетаки, лоснящійся самодовольствомъ. Должно быть онъ уже давно лежалъ въ землѣ — его кости были свободны отъ мяса. Онъ всталъ у камня надъ своей могилой и ребра его рисовались на черномъ камнѣ, какъ нашивки на мундирѣ камергера.

— Гдѣ онъ хранитъ свои идеи? — спросилъ я.

— Въ костяхъ мой другъ, въ костяхъ! У нихъ идеи — вродѣ ревматизма и подагры — глубоко проникаютъ въ ребра.

— Какъ идетъ моя книга, Хозяинъ? — глухо спросилъ скелетъ.

— Она еще лежитъ, профессоръ! — отвѣтилъ Дьяволъ.

— Что-жъ развѣ люди разучились читать? — сказалъ профессоръ, подумавъ.

— Нѣтъ, глупости они читаютъ по прежнему — вполнѣ охотно . . . но глупость скучная — иногда долго ждетъ ихъ вниманія . . . Профессоръ — обратился Дьяволъ ко мнѣ — всю жизнь измѣрялъ черепа женщинъ, чтобы доказать, что женщина не человѣкъ. Онъ измѣрялъ сотни череповъ, считалъ зубы, измѣрялъ уши, взвѣшивалъ мертвые мозги. Работа съ мертвымъ мозгомъ была любимѣйшей работой профессора, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ его книги. Вы ихъ читали?

— Я не хожу въ храмы черезъ кабаки, — отвѣтилъ я. — И я не умѣю изучать человѣка по книгамъ — люди въ нихъ всегда дроби, а я плохо знаю арифметику. Но я думаю, что человѣкъ безъ бороды и въ юбкѣ — не лучше и не хуже человѣка съ бородою, въ брюкахъ и съ усами . . .

— Да, — сказалъ Дьяволъ, — пошлость и глупость вторгаются въ мозги независимо отъ костюма и количества волосъ на головѣ. Но, все-же вопросъ о женщинѣ интересно поставленъ. И Дьяволъ по обыкновенію засмѣялся. Онъ всегда смѣется — вотъ почему съ нимъ пріятно бесѣдовать. Кто умѣетъ и можетъ смѣяться на кладбищѣ, тотъ — повѣрьте! — любитъ и жизнь и людей . . .

— Одни, которымъ женщина необходима лишь какъ жена и рабыня, утверждаютъ, что она — не человѣкъ! — продолжалъ онъ. Другіе не отказываясь пользоваться ею какъ женщиной, хотѣли бы широко эксплоатировать ея рабочую энергію и утверждаютъ, что она вполнѣ пригодна, для того чтобы работать всюду на равнѣ съ мужчиной, т. е. для него. Конечно и тѣ и другіе, изнасиловавъ дѣвушку, — не пускаютъ ее въ свое общество — они убѣждены, что послѣ ихъ прикосновенія къ ней она становится навсегда грязной . . . Нѣтъ, женскій вопросъ очень забавенъ! Я люблю, когда люди наивно лгутъ — они тогда похожи на дѣтей и есть надежда, что со временемъ, они выростутъ . . .

По лицу Дьявола было видно, что онъ не хочетъ сказать нѣчто лестное о людяхъ въ будущемъ. Но я самъ могу сказать о нихъ много нелестнаго въ настоящемъ и не желая, чтобы Чортъ конкурировалъ со мной въ этомъ пріятномъ и легкомъ занятіи — я прервалъ его рѣчь:

— Говорятъ — куда чортъ самъ не поспѣетъ, туда женщину пошлетъ, — это правда?

Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Случается . . . если подъ рукой нѣтъ достаточно умнаго и подлаго мужчины . . .

— Мнѣ почему-то кажется, что вы разлюбили зло? — спросилъ я.

— Зла больше нѣтъ! — отвѣтилъ онъ вздыхая. — Есть только пошлость! Когда-то зло было красивой силой. А теперь . . . даже если убиваютъ людей — это дѣлаютъ пошло, — имъ сначала связываютъ руки. Зло-

дѣвъ нѣтъ — остались палачи. Палачъ — всегда рабъ. Это рука и топоръ, приводимые въ движеніе силой страха, толчками опасеній . . . Вѣдь убиваютъ тѣхъ, кого боятся . . .

Два скелета стояли рядомъ надъ своими могилами и на кости ихъ тихо падали осенніе листья. Вѣтеръ уныло игралъ на струнахъ ихъ реберъ и гудѣлъ въ пустотѣ череповъ. Тьма сырая и пахучая смотрѣла изъ глубокихъ впадинъ глазъ. Оба они вздрагивали. Мнѣ было жалко ихъ.

— Пусть они уйдутъ на свое мѣсто! — сказалъ я Дьяволу.

— А ты гуманистъ даже на кладбищѣ! — воскликнулъ онъ.

— Такъ. Гуманизмъ болѣе умѣстенъ среди труповъ — здѣсь онъ никого не обижаетъ. На фабрикахъ, на площадяхъ и улицахъ городовъ, въ тюрьмахъ и шахтахъ среди живыхъ людей — гуманизмъ смѣшенъ и даже можетъ возбудить злобу. Здѣсь некому надъ нимъ смѣяться — мертвецы всегда серьезны. И я увѣренъ, что имъ пріятно слышать о гуманизмѣ — вѣдь это ихъ мертворожденное дитя . . . А всетаки не идіоты были тѣ, которые хотѣли поставить на сцену жизни эту красивую кулису, чтобы скрыть за нею мрачный ужасъ истязанія людей, холодную жестокость кучки сильныхъ . . . силою глупости всѣхъ . . .

И Дьяволъ хохоталъ рѣзкимъ смѣхомъ зловѣщей правды.

Въ темномъ небѣ вздрагивали звѣзды, неподвижно стояли черные камни надъ могилами прошлаго. Но его

гнилой запахъ просачивался сквозь землю и вѣтеръ уносилъ дыханіе мертвецовъ въ сонныя улицы города объятаго тишиною ночи.

— Здѣсь не мало лежитъ гуманистовъ, — продолжалъ Дьяволъ, широкимъ жестомъ указавъ на могилы вокругъ себя. — Нѣкоторые изъ нихъ были даже искренны . . . въ жизни множество забавныхъ недоразумѣній и, можетъ быть, не это самое смѣшное . . . А рядомъ съ ними, дружески и мирно, лежатъ учителя жизни другого типа, — тѣ, которые пытались подвести солидный фундаментъ подъ старое зданіе лжи, такъ кропотливо, съ такимъ трудомъ воздвигнутое тысячами тысячъ мертвецовъ . . .

Откуда-то издалека донеслись звуки пѣсни . . . Два — три веселыхъ крика, вздрагивая, проплыли надъ кладбищемъ. Должно быть какой-то гуляка беззаботно шелъ во тьмѣ къ своей могилѣ.

— Вотъ подъ этимъ тяжелымъ камнемъ гордо гніетъ прахъ мудреца, который училъ, что общество есть организмъ, подобный . . . обезьянѣ или свиньѣ, не помню. Это хорошо для людей, которые хотятъ считать себя мозгами организма! Почти всѣ политики и предводители воровскихъ шаекъ — сторонники этой теоріи. Если я мозгъ, я двигаю руками, какъ хочу, я всегда съумѣю подавить инстинктивное сопротивленіе мускуловъ моей царственной власти — да! А здѣсь лежитъ прахъ человѣка, который звалъ людей назадъ, ко времени, когда они ходили на четверенькахъ и пожирали червей. Это были самые счастливые дни жизни, усердно доказывалъ онъ. Ходить на двухъ ногахъ, въ хорошемъ сюртукѣ

и совѣтовать людямъ: обростайте снова шерстью, этоли не оригинально? Читать стихи, слушать музыку, бывать въ музеяхъ, переноситься въ день за сотни верстъ и проповѣдывать для всѣхъ простую жизнь въ лѣсахъ, на четырехъ лапахъ — право, недурно! А этотъ успокаивалъ людей и оправдывалъ ихъ жизнь тѣмъ, что доказывалъ — преступники не люди, они — больная воля, особый, антисоціальный типъ. Они — враги законовъ и морали по природѣ, значитъ, съ ними не стоитъ церемониться. Отъ преступленій лечитъ только смерть. Это — умно! Возложить на одного преступленія всѣхъ, заранѣе признавъ его естественнымъ вмѣстилищемъ порока и органическимъ носителемъ злой воли — развѣ это глупо? Всегда есть въ жизни нѣкто, оправдывающій уродливое строеніе жизни, искажающее душу. Мудрые и сморкаются не безъ смысла. Да, кладбища богаты идеями для лучшаго устройства жизни городовъ . . .

Дьяволъ оглянулся вокругъ. Бѣлая церковь, какъ палецъ скелета — колосса, молча поднималась изъ тучной нивы мертвыхъ къ темному небу, безмолвной нивѣ звѣздъ. Густая толпа камней надъ источниками мудрости, одѣтая въ ризы плѣсени, окружала эту трубу, разносившую по пустынямъ вселенной ѣдкій дымъ человѣческихъ жалобъ и молитвъ. Вѣтеръ, напоенный жирнымъ запахомъ тлѣнія, тихо качалъ вѣтвями деревьевъ, срывая умершіе листья. И они безшумно падали на жилища творцовъ жизни . . .

— Мы устроимъ теперь небольшой парадъ мертвецовъ, репетицію Страшнаго Суда! — говорилъ Дьяволъ,

шагая впереди меня по змѣиной тропѣ, среди холмовъ и камней. — Ты знаешь, Страшный Судъ будетъ! Онъ будетъ на землѣ и день его — лучшій день ея! Онъ наступитъ, этотъ день, когда люди сознаютъ всѣ преступленія, совершенныя противъ нихъ учителями и законодателями жизни, тѣми, которые разорвали человѣка на ничтожные куски безсмысленнаго мяса и костей. Все — что живетъ теперь подъ именемъ людей — это части, цѣльный человѣкъ еще не созданъ. Онъ возникнетъ изъ пепла опыта, пережитаго міромъ и, поглотивъ опытъ міра, какъ море лучи солнца, онъ загорится надъ землей, какъ еще солнце. Я это увижу! Ибо я создаю человѣка, я создамъ его!

Старикъ немного хвастался и впадалъ въ несвойственный для Чорта лиризмъ. Я извинилъ ему это. Что подѣлаешь? Жизнь искажаетъ даже Дьявола, окисляя своими ядами крѣпко скованную душу его. Къ тому-же, у всѣхъ голова кругла, а мыслы угловаты, и каждый, глядя въ зеркало, видитъ красавца.

Остановясь среди могилъ, Дьяволъ крикнулъ голосомъ владыки:

— Кто здѣсь мудрый и честный человѣкъ? . . .

Былъ моментъ молчанія — потомъ, — вдругъ, земля всколыхнулась подъ ногами моими, и точно сугробы грязнаго снѣга покрыли холмы кладбища. Какъ будто тысячи молній взрыли ее изнутри, или въ нѣдрахъ ея судорожно повернулось нѣкое чудовище-гигантъ. Все вокругъ зацвѣло желтовато-грязнымъ цвѣтомъ, всюду, точно стебли сухихъ травъ подъ вѣтромъ, закачались скелеты, наполняя тишину треніемъ костей

и сухими толчками суставовъ другъ о друга и плиты могилъ. Толкая другъ друга, скелеты вылѣзали на камни, всюду мелькали черепа, похожіе на одуванчики, плотная сѣть реберъ тѣсной клѣткой окружала меня, напряженно вздрагивали голени подъ тяжестью уродливо разверстыхъ костей таза и все вокругъ кипѣло въ безмолвной суетѣ . . .

Холодный смѣхъ Дьявола покрылъ безличные звуки.

— Смотри — они всѣ вылѣзли, всѣ до одного! — сказалъ онъ.

— И даже городскіе дурачки — среди нихъ! Стошнило землю и вотъ она изрыгнула изъ нѣдръ своихъ мертвую мудрость людей . . .

Влажный шумъ быстро росъ, казалось, чья-то невидимая рука, жадно роется въ сыромъ мусорѣ, сметенномъ дворникомъ въ углу двора.

— Вотъ какъ много было въ жизни честныхъ и мудрыхъ людей! — воскликнулъ Дьяволъ, широко простирая свои крылья надъ тысячами обломковъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ.

— Кто изъ васъ больше всѣхъ сдѣлалъ людямъ добра? — громко спросилъ онъ.

Все вокругъ зашипѣло, подобно грибамъ, когда ихъ жарятъ въ сметанѣ на большой сковородѣ.

— Позвольте мнѣ пройти впередъ! — тоскливо закричалъ кто-то.

— Это я, Хозяинъ, я здѣсь! Это я доказалъ, что единица — ноль въ суммѣ общества.

— Я пошелъ дальше его! — возражали откуда-то

издали. — Я училъ, что все общество — сумма нолей и потому массы должны подчиняться волѣ группъ.

— А во главѣ группъ стоитъ единица — и это я! — торжественно крикнулъ нѣкто.

— Почему — вы? — раздалось нѣсколько тревожныхъ голосовъ.

— Мой дядя былъ король!

— Ахъ, это дядюшкѣ Вашего Высочества преждевременно отрубили голову?

— Короли теряютъ головы всегда во время! — гордо отвѣтили кости потомка костей, когда-то сидѣвшихъ на тронѣ.

— Ого — о! — раздался довольный шепотъ. — Среди насъ есть король! Это встрѣтишь не на всякомъ кладбищѣ . . .

Влажные шепоты и треніе костей сливались въ одинъ клубокъ, становясь все гуще, тяжелѣе.

— Посмотрите — правда ли, что кости королей голубого цвѣта? — торопливо спросилъ маленькій скелетъ съ кривымъ позвоночникомъ.

— Позвольте вамъ сказать . . . — внушительно началъ какой-то скелетъ, сидѣвшій верхомъ на памятникѣ.

— Лучшій пластырь для мозолей — мой! — крикнулъ кто-то сзади него.

— Я тотъ самый архитекторъ . . .

Но широкій и низенькій скелетъ, расталкивая всѣхъ короткими костями рукъ, кричалъ, заглушая шелестъ мертвыхъ голосовъ.

— Братіе во Христѣ! Не я-ли это врачъ вашъ духовный, не я-ли лечилъ пластыремъ кроткаго утѣшенія мозоли душъ, натертыя печалями вашей жизни?

— Страданій нѣтъ! — заявилъ кто-то раздраженно.— Все существуетъ только въ представленіи.

— Тотъ архитекторъ, который изобрѣлъ низкія двери . . .

— А я — бумагу для истребленія мухъ! . . .

— . . . для того, чтобы люди, входя въ домъ, невольно склоняли голову передъ хозяиномъ его . . . — раздавался назойливый голосъ.

— Не мнѣ-ли принадлежитъ первенство, братіе? Это я поилъ души ваши, алкавшія забвенія печалей, млекомъ и медомъ размышленій моихъ о тщетѣ всего земного!

— Все что есть — установлено разъ навсегда! — прожужжалъ чей-то глухой голосъ.

Скелетъ съ одной ногой, сидѣвшій на сѣромъ камнѣ, поднялъ голень, вытянулъ ее и почему-то крикнулъ:

— Разумѣется такъ!

Кладбище превратилось въ рынокъ, гдѣ каждый выхвалялъ свой товаръ. Въ темную пустыню ночной тишины вливалась мутная рѣка подавленныхъ криковъ, потокъ грязнаго хвастовства, душнаго самолюбія. Какъ будто туча комаровъ кружилась надъ гнилымъ болотомъ и пѣла, ныла и жужжала, наполняя воздухъ всѣми отравами, всѣми ядами могилъ. Всѣ толпились вокругъ Дьявола, остановивъ на лицѣ его темныя впадины глазъ

и стиснутые зубы свои — точно онъ былъ покупателемъ старья. Воскресали одна за другой мертвыя мысли и кружились въ воздухѣ, какъ жалкіе осенніе листья.

Дьяволъ смотрѣлъ на это кипѣніе зелеными глазами и его взглядъ изливалъ на груды костей фосфорически мерцающій холодный свѣтъ.

Скелетъ, сидѣвшій на землѣ у ногъ его, говорилъ, поднявъ кости руки выше черепа и плавно качая ими въ воздухѣ:

— Каждая женщина должна принадлежать одному мужчинѣ . . .

Но въ его шепотъ вплетался другой звукъ, слова его рѣчи странно обнимались съ другими словами.

— Только мертвому вѣдома истина! . . .

И кружились медленно еще слова:

— Отецъ, говорилъ я, подобенъ пауку . . .

— Жизнь наша на землѣ — хаосъ заблужденій и тьма кромѣшная!

— Я трижды былъ женатъ и всѣ три раза — законно . . .

— Всю жизнь онъ неустанно ткетъ паутину благополучія семьи . . .

— И каждый разъ на одной женщинѣ . . .

И вдругъ откуда-то явился скелетъ пронзительно скрипѣвшій своими желтыми и ноздреватыми костями. Онъ поднялъ къ глазамъ Дьявола свое полуразрушенное лицо и заявилъ:

— Я умеръ отъ сифилиса, да! Но я всетаки уважалъ мораль! Когда жена моя измѣнила мнѣ — я самъ

предалъ гнусный поступокъ ея на судъ закона и общества . . .

Но его оттолкнули, затерли костями и снова, какъ тихій вой вѣтра въ трубѣ, раздались смѣшанные голоса:

— Я изобрѣлъ электрическій стулъ! Онъ убиваетъ людей безъ страданій.

— За гробомъ, утѣшалъ я людей, васъ ждетъ блаженство вѣчное . . .

— Отецъ даетъ дѣтямъ жизнь и пищу . . . человѣкъ становится таковымъ послѣ того, какъ онъ сталъ отцомъ, а до этого времени — онъ только членъ семьи . . .

Черепъ, формой похожій на яйцо, съ кусками мяса на лицѣ, говорилъ черезъ головы другихъ:

— Я доказалъ, что искусство должно подчиняться комплексу мнѣній и взглядовъ, привычекъ и потребностей общества . . .

Другой скелетъ, сидя верхомъ на памятникѣ, изображавшемъ сломанное дерево, возражалъ:

— Свобода можетъ существовать только какъ анархія!

— Искусство — это пріятное лекарство для души, усталой отъ жизни и труда . . .

— Это я утверждалъ, что жизнь есть трудъ! — доносилось издали.

— Пусть книга будетъ красива, какъ тѣ коробочки съ пилюлями, которыя даютъ въ аптекахъ . . .

— Всѣ люди должны работать, нѣкоторые обязаны наблюдать за работой . . . ея трудами пользуется всякій

предназначенный для этого достоинствами своими и заслугами . . .

— Красиво и человѣколюбиво должно быть искусство . . . Когда я устаю, оно поетъ мнѣ пѣсни отдыха . . .

— А я люблю — заговорилъ Дьяволъ — свободное искусство, которое не служитъ иному богу, кромѣ богини красоты. Особенно люблю его, когда оно, какъ цѣломудренный юноша мечтая о безсмертной красотѣ, весь полный жажды насладиться ею, срываетъ пестрыя одежды съ тѣла жизни . . . и она является предъ нимъ, какъ старая распутница, вся въ морщинахъ и язвахъ на истрепанной кожѣ. Безумный гнѣвъ, тоску о красотѣ и ненависть къ стоячему болоту жизни — это я люблю въ искусствѣ . . . Друзья хорошаго поэта — женщина и чортъ . . .

Съ колокольни сорвался стонущій крикъ мѣди и поплылъ надъ городомъ мертвыхъ, невидимо и плавно качаясь во тьмѣ, точно большая птица съ прозрачными крыльями . . . Должно быть сонный сторожъ невѣрной и вялою рукой лѣниво дернулъ веревку колокола. Мѣдный звукъ плавился въ воздухѣ и умиралъ. Но раньше чѣмъ погасъ его послѣдній трепетъ, раздался новый рѣзкій звукъ разбуженнаго колокола ночи. Тихо колебался душный воздухъ и сквозь печальный гулъ дрожащей мѣди, просачивался шорохъ костей, шелестъ сухихъ голосовъ.

И снова я слышалъ скучныя рѣчи назойливой глупости, клейкія слова мертвой пошлости, нахальный говоръ

торжествующей лжи, раздраженный ропотъ самомнѣнія. Ожили всѣ мысли, которыми живутъ люди въ городахъ, но не было ни одной изъ тѣхъ, которыми они могутъ гордиться. Звенѣли всѣ ржавыя цѣпи, которыми окована душа жизни, но не вспыхнула ни одна изъ молній, гордо освѣщающихъ мракъ души человѣка.

— Гдѣ же герои? — спросилъ я Дьявола.

— Они — скромны и могилы ихъ забыты. При жизни душили ихъ и на кладбищѣ они задавлены мертвыми костями! — отвѣтилъ онъ, качая крыльями, чтобы разогнать жирный запахъ гніенія, окружавшій насъ темной тучей, въ которой рылись какъ черви однотонные, сѣрые голоса мертвецовъ.

Сапожникъ говорилъ, что онъ первый изъ всѣхъ людей своего цеха, имѣетъ право на благодарность потомства — это онъ изобрѣлъ сапоги съ узкими носками. Ученый, описавшій въ своей книгѣ тысячу разныхъ пауковъ, утверждалъ, что онъ величайшій ученый. Изобрѣтатель искусственнаго молока, раздраженно нылъ, отталкивая отъ себя изобрѣтателя скорострѣльной пушки, который упорно толковалъ всѣмъ вокругъ пользу своей работы для міра. Тысячи тонкихъ и влажныхъ бичевокъ стягивали мозгъ, впиваясь въ него какъ змѣи. И всѣ мертвые, о чемъ-бы они не говорили, говорили какъ строгіе моралисты, какъ тюремщики жизни, влюбленные въ свое дѣло.

— Довольно! — сказалъ Дьяволъ. — Мнѣ надоѣло это . . . Мнѣ надоѣло все и на кладбищахъ мертвыхъ, и въ городахъ, кладбищахъ для живыхъ . . . Вы, стражи истины! Въ могилы! . . .

Онъ крикнулъ желѣзнымъ голосомъ владыки, которому противна его власть.

Тогда пепельно-сѣрая и желтая масса праха вдругъ зашипѣла, закружилась и вскипѣла, какъ пыль подъ ударомъ вихря. Земля раскрыла тысячи темныхъ пастей и чмокая, лѣниво, какъ сытая свинья, снова проглотила извергнутую пищу свою, чтобы переваривать ее далѣе . . . Все вдругъ исчезло, камни пошатнулись и твердо встали вновь на свои мѣста. Остался только душный запахъ, хватавшій за горло тяжелой и влажной рукой.

Дьяволъ сѣлъ на одну изъ могилъ и поставивъ локти на свои колѣна, обнялъ голову длинными пальцами черныхъ рукъ. Его глаза неподвижно остановились въ темной дали, въ толпѣ камней и могилъ . . . Надъ головой его горѣли звѣзды, въ посвѣтлѣвшемъ небѣ тихо плавали мѣдные звуки колокола и будили ночь.

— Ты видѣлъ? — сказалъ онъ мнѣ. — На зыбкой, на ядовитой, на цѣпкой почвѣ всей этой глупой плѣсени, не хитрой лжи и липкой пошлости — построено тѣсное и темное зданіе законовъ жизни, клѣтка, въ которую вы всѣ загнаны покойниками, какъ овцы . . . Лѣнь и трусость думать, скрѣпляетъ гибкими обручами вашу тюрьму. Истинные хозяева жизни вашей — всегда мертвецы, и хотя тобой правятъ живые люди, но вдохновляютъ ихъ покойники. Источниками мудрости житейской являются могилы. Я говорю — вашъ здравый смыслъ — цвѣтокъ, вспоенный соками труповъ. Быстро

сгнивая въ землѣ, покойникъ хочетъ вѣчно жить въ душѣ живого человѣка. Тонкій и сухой прахъ мертвыхъ мыслей свободно проникаетъ въ мозгъ живыхъ и вотъ почему ваши проповѣдники мудрости — всегда проповѣдники смерти духа!

Дьяволъ поднялъ голову свою и зеленые глаза его остановились на моемъ лицѣ двумя холодными звѣздами.

— Что проповѣдуютъ на землѣ громче всего, что хотятъ утвердить на ней незыблемо? Раздробленіе жизни. Законность разнообразія положеній для людей и необходимость единства душъ для нихъ. Квадратное однообразіе всѣхъ душъ, чтобы можно было удобно укладывать людей, какъ кирпичи, во всѣ геометрическія фигуры, удобныя для нѣсколькихъ владѣльцевъ жизни. Эта лицемѣрная проповѣдь примиренія горькаго чувства порабощенныхъ съ жестокой и лживой волей ума поработителей — вызвана гнуснымъ желаніемъ умертвить творческій духъ протеста, эта проповѣдь — только подлое стремленіе построить изъ камней лжи склепъ для свободы духа . . .

Свѣтало. И на небѣ, поблѣднѣвшемъ въ ожиданіи солнца, тихо меркали звѣзды. Но все ярче разгорались глаза Дьявола.

— Что нужно проповѣдывать людямъ для жизни красивой и цѣлостной? Однообразіе положеній для всѣхъ людей и различіе всѣхъ душъ. Тогда жизнь будетъ кустомъ цвѣтовъ, объединенныхъ на корнѣ уваженія всѣхъ къ свободѣ каждаго, тогда она будетъ костромъ

J. H. W. DIETZ NACHFOLGER
STUTTGART.

Поступили въ продажу:

М. Горькій — Дѣти Солнца. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 2 марки.
М. Горькій — Варвары. Жанровая пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 2 марки.
М. Горькій — Товарищъ! Сказка. Цѣна 50 пф.
М. Горькій — Прекрасная Франція. Интервью. Цѣна 50 пф.
М. Горькій — Одинъ изъ королей республики. Интервью. Цѣна 50 пф.
М. Горькій — Русскій царь. Интервью. Цѣна 50 пф.
М. Горькій — Жрецъ морали. Интервью. Цѣна 50 пф.
С. Юшкевичъ — Голодъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 2 марки.
Е. Чириковъ — Мужики. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 2 марки.
Л. Андреевъ — Христіане. Разсказъ. Цѣна 50 пф.
Л. Андреевъ — Губернаторъ. Разсказъ. Цѣна 1 марка 20 пф.
Л. Андреевъ — Такъ было. Очеркъ. Цѣна 75 пф.
Л. Андреевъ — Къ звѣздамъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 1 марка 50 пф.
Скиталецъ — Полевой судъ. Разсказъ. Цѣна 50 пф.
Скиталецъ — Лѣсъ разгорался. Разсказъ. Цѣна 50 пф.
Скиталецъ — Огарки. Типы русской богэмы. Повѣсть. Цѣна 1 марка 50 пф.

Подготовляются къ печати:

Л. Андреевъ — Савва (Ignis Sanat.) Драма.
С. Юшкевичъ — Дина Гланкъ. Драма.
М. Горькій — Интервью.

ROSENTHAL & CO., BUCHDRUCKEREI, BERLIN SO. 16.